

ЗАПИСКИ

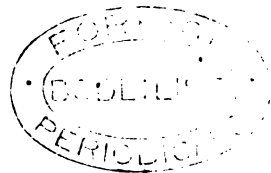
ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.

1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	Стран.
Протоколъ засѣданій совѣта к. нов. ун.: 20-го августа—15 декабря 1880 г.	76—241
Delectus seminum in horto botanico Un. Caes. N. Ros.	242—250

II. Часть ученая.

Ерошевскій Н. О. канд. правъ.—Еъ вопросу о земельномъ кредитѣ	1—186
Успенскій Ѡ. И. о. пр. к. н. ун.—Сочиненія Михаила Акомината, изд. Спир. Лампроса	187—208
Палаузовъ В. Н. доц. к. н. ун.—Вступительная лекція по уголовному судопроизводству	209—226
Сабининъ Е. Ѡ. о. пр. к. н. ун.—О началѣ наименьшаго дѣйствія.	227—278
Успенскій Ѡ. И. о. пр. к. нов. ун.—Филиппъ Карловичъ Брунъ, 1804—1880 гг. (съ фотографическимъ портретомъ)	279—328

III. Приложеніе.

Малининъ М. И. о. пр. к. нов. ун.—Теорія гражданскаго процесса (продолженіе).	49—99
---	-------

Сочиненія Михаила Акомината.

Изд. Спиридона Лампроса.

(ΜΙΧΑΗΛ ΑΚΟΜΙΝΑΤΟΥ ΤΟΥ ΧΩΝΙΑΤΟΥ ΤΑ ΣΩΖΟΜΕΝΑ)

Аѳины 1879—1880, два тома.

О. проф. Θ. И. Успенскаго.

Византійскія занятія г. Лампроса. — Причины, побудившія его къ собранію и изученію неизданныхъ сочиненій М. Акомината. — Время посвященія въ санъ и отправленія въ аѳины. — Состояніе Аѳинъ. Значеніе произведеній М. Акомината для политической исторіи XII и XIII вв. — Личный характеръ писателя. — Греки подъ латинскимъ господствомъ. — Письмо къ Д. Дрими. — Мѣста имѣющія отношеніе къ Россіи. — Достоинства изданія: изученіе списковъ, разрѣшеніе хронологическихъ вопросовъ. — Новыя находки г. Лампроса на Аѳонѣ. — Общасмый каталогъ греческихъ рукописей на Аѳонѣ.

Г. Спиридонъ Лампросъ, занявшій съ 1878 г. катедру исторіи и палеографіи въ аѳинскомъ университетѣ, принадлежитъ къ числу молодыхъ греческихъ ученыхъ, окончившихъ научное образованіе въ Германіи. Сынъ извѣстнаго археолога и нумизмата, еще въ юности получившій вкусъ къ занятіямъ древностію, г. Лампросъ, по окончаніи курса наукъ въ Аѳинахъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ германскихъ научныхъ центрахъ и въ Лейпцигѣ (въ 1873 г.) приобрѣлъ степень доктора за сочиненіе «Объ эллинскихъ колоніяхъ». Съ тѣхъ поръ г. Лампросъ опубликовалъ уже много серьезныхъ трудовъ, которые главнѣйше сосредоточиваются на средневѣковой Визан-

тійской исторіи. Крімъ изданія полного текста мелкихъ сочиненій М. Акомината въ двухъ большихъ томахъ, съ отдѣльнымъ Введеніемъ (въ 72 стр.), онъ написалъ изслѣдованіе объ исторіи Аѳинъ въ XII вѣкѣ, по неизданнымъ источникамъ, по преимуществу по сочиненіямъ М. Акомината. Въ одно время съ изданіемъ М. Акомината появился томъ «Собранія греческихъ романовъ на народномъ языкѣ и въ стихахъ», по рукописямъ Лейдена и Оксфорда. Лѣтомъ прошедшаго года, по порученію палаты депутатовъ, г. Лампросъ предпринималъ ученое путешествіе на Аѳонъ и въ настоящее время занятъ приготовленіемъ къ изданію каталога и болѣе важныхъ греческихъ рукописей, хранящихся на Аѳонѣ.

Изданія г. Лампроса и тѣ научныя предпріятія, которыя онъ имѣетъ въ виду, близко соприкасаются съ прямыми интересами русской исторической науки,—разумѣемъ ту ея область, которая касается Византіи. Между тѣмъ наши сношенія съ Греціей и обмѣнъ научными и литературными произведеніями такъ затруднителенъ, что только случайно, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, получаютъ у насъ свѣдѣнія о такихъ крупныхъ изданіяхъ, какъ вышеприведенныя.

Въ тѣсномъ кругу специалистовъ имя Лампроса могло уже быть извѣстно, и намъ не разъ приходилось въ печати упомянуть его по поводу ожидаемаго изданія М. Акомината, о чемъ мы знали изъ личныхъ сношеній съ г. Лампросомъ.

Не лучше въ этомъ отношеніи и положеніе греческихъ ученыхъ. О литературныхъ новостяхъ и объ ученыхъ предпріятіяхъ въ Россіи они узнаютъ также случайно и имѣютъ причины, также какъ и мы, высказывать сожалѣнія объ отсутствіи правильныхъ сношеній и научнаго обмѣна.

Главное вниманіе молодого греческаго ученаго, какъ можно видѣть, обращено на изданіе новыхъ матеріаловъ по средневѣковой Византійской исторіи. Его можно поставить рядомъ съ Саеой, издателемъ Средневѣковой греческой бібліотеки. Тотъ и другой занимаются въ бібліотекахъ и архивахъ европейскихъ городовъ, списываютъ и издаютъ рукописи, частію

отмѣченныя прежними византинистами, частію еще де бывшія въ рукахъ ни одного компетентнаго судьи. Государство принимаетъ на свой счетъ изданіе памятниковъ, поощряя не легкій трудъ усердныхъ археологовъ и палеографовъ. Но между ними есть и большая разница въ пользу г. Лампроса. Сава издавалъ много, поспѣшно и не совсѣмъ исправно, при чемъ не успѣвалъ давать надлежащаго освѣщенія вновь издаваемому матеріалу. Напротивъ, Лампросъ старается давать публикѣ повнй матеріалъ въ переработанномъ видѣ. Прежде чѣмъ издать М. Акомината, онъ предупреждаетъ это изданіе диссертацией о положеніи Аеинъ въ XII в., составленной главнѣйше на основаніи изученія собраннаго имъ рукописнаго матеріала. Теперь доступные публикѣ два тома снабжены историческими и лексическими примѣчаніями, которыя занимаютъ 230 стр. во второмъ томѣ; словомъ, издатель сдѣлалъ для М. Акомината все, чтобы облегчить введеніе этого писателя въ кругъ историческаго и литературнаго изученія эпохи, за что не можетъ не отнестись къ нему съ благодарностію занимающійся средневѣковой греческой исторіей.

Причины, побудившія г. Лампроса предпринять въ высшей степени не легкій трудъ собранія разсѣянныхъ въ различныхъ бібліотекахъ Европы сочиненій М. Акомината, обуславливаются значеніемъ писателя. Занимая въ концѣ XII и въ началѣ XIII в. аеинскую кафедру и находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ главнѣйшими политическими и литературными дѣятелями любопытнѣйшей въ Византіи эпохи Комниновъ и Ангеловъ, М. Акоминатъ уже давно привлекалъ къ себѣ вниманіе европейскихъ византинистовъ, которые, какъ напр. профессоръ Тафель и Еллисенъ, у насъ академикъ Куникъ, неоднократно указывали на важность его для изученія загадочной Византіи. Въ этомъ отношеніи, предпочтеніемъ къ М. Акоминату г. Лампросъ довлетворилъ чаянія и ожиданія нѣсколькихъ поколѣній византинистовъ, частію по нѣкоторымъ отрывкамъ, частію по дѣтямъ догадывавшихся о серьезныхъ достоинствахъ неизданныхъ трудовъ аеинскаго митрополита. «Меня увлекало жела-

ніе, говорятъ Лампрость, ближе познакомиться съ однимъ изъ лучшихъ грековъ средневѣковой исторіи. Меня очаровала ученость ученика Евстаѳіа, доблесть іерарха, настойчивость заступника за Аѳины, въ высшей степени смѣлая рѣчь его предъ вельможами византійскими, неустрашимость передъ врагами и горькая смерть его въ изгнаніи, вдали отъ любезныхъ Аѳинъ. По всему этому, презирая трудности, я употребилъ всѣ усилія, чтобы списать и изучить произведенія его и теперь съ удовольствіемъ дѣлаю его достояніемъ публики».

Вѣроятно, не скоро еще вновь изданный писатель сдѣлается предметомъ всесторонняго изученія историковъ, не скоро еще новый матеріаль, сообщаемый имъ, поставленъ будетъ въ связь съ однородными источниками эпохи. До тѣхъ же поръ не будетъ излишне, хотя въ общихъ чертахъ, познакомиться тѣхъ, кто у насъ интересуется историческими знаніями, съ сочиненіями М. Акомината и съ замѣчательнымъ характеромъ писателя, отправляясь главнымъ образомъ изъ его же собственныхъ произведеній.

М. Акоминатъ былъ не только церковный въ обширномъ смыслѣ слова, но и политическій дѣятель. Смутное время, которое переживалъ онъ, неволью выдвигало пастыря церкви на политическое поприще, печаль о землѣ и о частвѣ побуждала его нерѣдко принимать въ свои руки администрацію города, равно какъ лично и письменно хлопотать предъ сильными міра за обремененный налогами, обнищавшій и разбѣгавшійся отъ домовъ и хозяйствъ народъ. Онъ принадлежалъ къ школѣ Евстаѳіа Солунскаго, раздѣлялъ его политическія убѣжденія и слѣдуетъ его же литературнымъ приемамъ. Существуетъ тѣсная внутренняя связь между тремя дѣятелями этой эпохи: Евстаѳіемъ и братьями Акоминатами, Никитой и Михаиломъ. Жизнь и дѣятельность одного изъ нихъ не можетъ быть правильно понята безъ ознакомленія съ жизнью остальныхъ двухъ. И всѣ трое оставили послѣ себя литературные труды, составляющіе почти единственный источникъ для изученія эпохи.

Во время патріарха Θεодосіа Ворадіокта (1177—1184)

М. Акоминатъ былъ патриаршимъ секретаремъ и раздѣлялъ опасности, которымъ подвергался престолъ патриарха въ смутное время, наступившее по смерти Мануила. Тѣмъ же патриархомъ возведенъ въ санъ митрополита аѳинскаго. Прежніе изслѣдователи принимали, что онъ отправился въ Аѳины около 1175 г., основываясь на темномъ и неправильно понятомъ мѣстѣ изъ рѣчи Михаила на смерть брата его Никиты. Теперь же съ полною вѣроятностью можно относить посвященіе въ санъ и отправленіе въ Аѳины въ 1182 г., что очень важно для многихъ историческихъ соображеній, хотя бы въ томъ напр. отношеніи, что Михаилъ, жившій въ Константинополѣ въ 1181 и 1182 годахъ, могъ говорить какъ очевидецъ о борьбѣ партій по смерти Мануила и о первыхъ дѣйствіяхъ въ Константинополѣ Андроника Комнина.

Политическое, экономическое и умственное состояніе знаменитаго города Аѳинъ находятъ въ письмахъ М. Акомината лучшее и можно сказать единственное въ средневѣковой литературѣ освѣщеніе. Эта сторона научнаго матеріала первая обратила на себя вниманіе издателя, и онъ, какъ уже сказано, еще въ 1878 г. посвятилъ исторіи Аѳинъ въ XII в. отдѣльную монографію, за которую и дана была ему кафедра въ университетѣ. Въ примѣчаніяхъ, которыми снабдилъ онъ изданіе, можно находить богатый матеріалъ, хорошо обработанный и сопоставленный для освѣщенія любопытнаго и для неспеціалистовъ вопроса—о состояніи Аѳинъ въ XII в. Городъ былъ доведенъ до самаго бѣдственнаго положенія нерадѣніемъ администраціи и вымогательствами; онъ представлялъ груду развалинъ, еще неисправленныхъ послѣ нападенія короля сицилійскаго Рожера. Бѣдность была вопіющая и безпомощная: ни земледѣлія, ни промысловъ, торговля въ застоѣ. Пираты господствовали на морѣ и, основавъ себѣ гнѣздо въ Эгинѣ, Магрѣ и другихъ заливахъ, дѣлали смѣлыя нападенія не только на береговныя селенія, но и внутрь страны. Правительство не ходило знать положенія страны и ежегодно измышляло новыя налоги, сборы которыхъ отдавало на откупъ. Откупщики, надѣясь на поддержку

сильныхъ въ Константинополѣ, были бичомъ для страны и губили послѣднія живныя силы въ народѣ, побуждая населеніе къ бѣгству и бродяжничеству, или заставляя его искать убѣжища у пиратовъ. При такихъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать образованному константинопольскому греку. Паства его затруднилась понимать его аттическій языкъ, равно какъ и онъ долго не могъ усвоить себѣ варварскихъ реченій, вошедшихъ въ языкъ Аоніанъ.

Со времени возведенія въ санъ епископа и удаленія въ Аонны (ниже читатель найдетъ указанія на литературу вопроса о нашемъ писателѣ) Михаилъ Акоминатъ не прерывалъ сношеній съ государственными людьми того времени духовнаго и свѣтскаго чина, вѣда съ ними дѣятельную переписку и подробно знакомихъ съ положеніемъ своимъ въ Аоннахъ, съ состояніемъ города и его обитателей. Для внутренней и внѣшней исторіи Аоніанъ, равно какъ для характеристики нравовъ, занятій и образованности аонискаго населенія—нѣкоторыя мѣста мелкихъ сочиненій М. Акомината представляютъ въ высшей степени цѣнный вкладъ въ исторію мало обслѣдованной эпохи византійской имперіи. Общій тонъ этого рода мѣстъ—безпредѣльная тоска одиночества и живѣйшее желаніе хоть еще разъ взглянуть на друзей, съ которыми связаны лучшія воспоминанія и поговорить съ людьми одинаковаго образованія и положенія.

Образованному человѣку, привыкшему вращаться въ средѣ лучшихъ людей того времени, дѣйствительно, трудно было примириться съ обществомъ, которое онъ нашелъ въ Аоннахъ. «Я пишу изъ Аоніанъ, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, но мое посланіе не будетъ оттого ни болѣе подробнымъ, ни болѣе умнымъ. Пребываніе въ городѣ мудрецовъ не только не придало мнѣ краснорѣчія, но боюсь, не лишило-ли и того, чѣмъ обладалъ я».

«Здѣсь нѣтъ, не говорю уже мужей философствующихъ, чувствуется недостатокъ просто въ ремесленникахъ». «Языкъ мой онѣмѣлъ, пишетъ онъ другому лицу, я лишился голоса;

сказать-ли все? я сдѣлался варваромъ отъ долговременнаго пребыванія въ Аѳинахъ». Или еще: «Я не нахожу нигдѣ отклика на мои рѣчи, такъ что боюсь одичать, пребывая въ Аѳинахъ». «Увы, на какую долю осужденъ я, какая даль раздѣляетъ насъ! Я сошелъ какъ бы въ преисподнюю, и великая пропасть утвердилась между нами, здѣсь страдающими, и вами, которые повороты въ нѣдрахъ авраамовыхъ».

Увлечшись иногда воспоминаніями и заведя рѣчь о прежнихъ занятіяхъ, онъ грустно обрываетъ разговоръ о Катонахъ, Цицеронахъ, Арріанахъ: «Какже не страдать мнѣ, когда я окруженъ грубыми народомъ, далекимъ отъ мысли о философіи, когда у насъ слышится не аттическая, но варварская рѣчь!» Или: «Сильной болью отозвавшееся во мнѣ твое письмо принесло мнѣ и долю утѣшенія. Напомнивъ о философіи, ты уязвилъ меня, но и вдохновилъ въ то же время философскими мыслями и обдалъ ораторскими прелестями».

Рядомъ съ личными интересами и описаніемъ собственнаго положенія, какъ въ частной перепискѣ съ друзьями, такъ особенно въ рѣчахъ, говоренныхъ передъ правительственными лицами, Михаилъ Акминатъ подробно рисуетъ общественныя бѣдствія, какъ своей паствы, такъ и всей Греціи. Привѣтствуя претора, онъ обращается къ нему:

«Почти же Аѳины, облобызай землю краснорѣчія... Но удержиись отъ слезъ и не омрачай настоящее торжество. Ибо я вижу, у тебя навертываются слезы при взглядѣ на Аѳины, такъ утратившія прежній блескъ. Уже не малое время городъ находится въ такомъ состояніи. Посмотри на эти стѣны, частію разрушенныя, частію развалившіяся, на эти дома, сравненные съ землей, взгляни на эту почти необитаемую пустыню. Музы и хариты, философія и софистика побинули Аттику, ее унаслѣдовала крестьянская и варварская рѣчь!» Что придаетъ особенную цѣну тѣмъ мѣстамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ облегченіи положенія «моихъ Аѳинъ»—это мѣры, рекомендуемыя М. Акминатомъ. Говоря объ этихъ мѣрахъ, онъ долженъ былъ иногда вдаваться въ

весьма любопытныя подробности внутренняго управленія византійской имперіи.

Такимъ печальникомъ земли рисуютъ намъ аеинскаго интрополита его сочиненія, такимъ же представляють и дѣла его.

Онъ пережилъ тяжкую годину, постигшую Аеины во время IV крестоваго похода, мужественно защищаль городъ отъ Льва Сгура. Въ концѣ 1204 г. онъ долженъ былъ сдать Аеины Маркграфу Бонифацію, получившему королевство Солунское. Городъ снова подвергся грабежу и расхищенію, при чемъ погибла и богатая бібліотека М. Акомината. Онъ управляль аеинскою церковью 20 лѣтъ.

Какъ большинство патріотовъ, не желавшихъ ужиться съ новыми порядками латинскаго завоеванія, М. Акоминать съ небольшими средствами, которыя онъ истратилъ въ теченіе года, началъ скитаться изъ города въ городъ, избѣгая руки завоевателей. Побывалъ въ Фивахъ, въ Солуни, затѣмъ искаль убѣжища въ Халкидѣ, Эретріи и наконецъ въ Каристѣ. Не болѣе какъ черезъ годъ послѣ бѣгства изъ Аеинъ, нашель окончательное убѣжище на островѣ Кеосѣ (Зея), гдѣ въ бѣдномъ монастырѣ Продрома и провелъ до самой смерти (около 1220 года), утѣшая греческихъ бѣглецовъ и подавая приходящимъ совѣтъ и помощь.

Рядомъ съ сочиненіями, рисующими положеніе Аеинъ и строй Византійской администраціи, есть много и такихъ, которыя относятся къ политической исторіи и должны быть разсматриваемы какъ неизслѣдованный еще источникъ для исторіи Византіи отъ смерти Манула до втораго десятилѣтія XIII в. Большинство лицъ, съ которыми переписывался М. Акоминать, были люди весьма извѣстные еще во время царствованія Мануила Комнина, къ которымъ же были любимцами и приближенными послѣдующихъ императоровъ. Почти исключительно политическимъ характеромъ отличаются привѣтственныя рѣчи къ преторамъ, навѣщавшимъ Аеины. Такова напр. рѣчь къ претору, Никифору Пресуху, назначенному царемъ Андроникомъ. Ораторъ не могъ, конечно, не коснуться здѣсь событій, относящихся до лица, ко-

тому преторская должность обязана своимъ возстановленіемъ. Въ рѣчахъ къ преторамъ находимъ не мало любопытныхъ сообщеній о мало извѣстномъ періодѣ жизни Андроника, когда онъ «съ сорока домочадцами» странствовалъ по различнымъ странамъ Европы и Азии. Нѣкоторою оригинальностію отличается и воззрѣніе М. Акомината на переворотъ, произведенный Андроникомъ въ Константинополѣ. Аѳинскій митрополитъ имѣлъ случай отозваться на многія изъ главнѣйшихъ событій послѣдующихъ царствованій.

Ближайшіе помощники и сотрудники никейскаго императора Θ. Ласкариса: патріархъ Михаилъ Авторіанъ и логоетъ Василій Каматиръ, друзья и почитатели аѳинскаго митрополита, неоднократно дѣлали ему предложеніе переселиться въ Никею. Самъ императоръ не разъ писалъ ему о томъ же. Для исторіи никейской имперіи переписка съ выше обозначенными лицами имѣетъ важное значеніе. Въ особенности же въ перепискѣ обрисовывается весьма яркими и въ высшей степени привлекательными чертами личный характеръ Михаила Акомината. Отказавшись отъ предложенной ему епископской кафедры въ Наксосѣ, уклонившись отъ неоднократно дѣланыхъ приглашеній переѣхать въ Никею, М. Акоминатъ на свободѣ обратился къ произведеніямъ поэтовъ и ораторовъ—занятіе, которому мало благопріятствовала жизнь въ Аѳинахъ. Лица, состоявшія въ это время въ перепискѣ съ нимъ, были или близкіе родственники, или друзья, пріобрѣтенные уже въ Греціи. Само собой разумѣется, въ сношеніяхъ съ ними нѣтъ мѣста пустословію и ораторской лжи: самая простая дѣйствительность составляетъ содержаніе писемъ къ нимъ. Но и въ этой совершенно частной перепискѣ нашъ писатель никогда не вдается въ мелочи ни для кого не нужныя. Онъ говоритъ о современной ему системѣ воспитанія, о книгахъ, которыя бы ему желалось прочесть, но которыхъ у него нѣтъ, такъ какъ его бібліотека, вывезенная изъ Константинополя и умноженная въ Аѳинахъ, досталась завоевателямъ. Рядомъ съ этимъ описываетъ свою жизнь, бытъ островитянъ, ихъ занятія и про-

мысли. Весьма интересны тѣ письма, которыя написаны тотчасъ по завоеваніи латинянами византійской имперіи: изъ нихъ мы знакомимся съ судьбой частныхъ лицъ, застигнутыхъ грознымъ событіемъ и пережившихъ его.

Сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій, чтобы дать возможность судить о личномъ характерѣ М. Акомината и о значеніи его переписки.

Въ этомъ отношеніи полны высокаго достоинства всѣ письма, въ которыхъ М. Акоминатъ отказывается отъ предложенія переселиться въ Никею. Главнѣйшими причинами, не позволявшими ему предпринять путешествіе, онъ выставилъ обыкновенныя старческія немощи, соединенныя съ семидесятилѣтнимъ возрастомъ: общая слабость, плохое зрѣніе и невозможность выйти изъ дому безъ помощи костыля. Если принять во вниманіе, что въ Никеѣ ожидали его не труды и заботы, а почетъ и покой, то ясно, что были другія еще причины, которыя побуждали его предпочесть частную жизнь на островѣ Кеосъ. Объ этихъ причинахъ можно догадываться изъ отвѣтнаго письма патріарху М. Авторіану. Указавъ на свои душевныя и тѣлесныя немощи, онъ продолжаетъ: «Какъ же въ такомъ состояніи могу я ѣхать въ Виеннію изъ отдаленныхъ мѣстъ Эгейскаго моря? Я не въ силахъ предпринять путешествіе даже на сосѣдніе острова: Евбею, Андросъ или Наксосъ. Хотя попечительная забота о церкви побудила тебя обручить меня со вдовствующею церковью Наксоса, дабы мнѣ праздному не плакаться на свою горькую судьбу, когда моя невѣста, съ которою я соединенъ былъ долгое время, предается блуду съ насильниками, но жить и раздѣлять бесплодное ложе старому и покинутому жениху со вдовой-старухой, ... но какъ я сказалъ, до сихъ поръ я не побывалъ на этомъ островѣ, да и впредь не буду имѣть возможности. Такъ что твое святѣйшество благоволитъ сдѣлать какое-нибудь другое распоряженіе относительно этой церкви». По тому же дѣлу писалъ онъ къ Василию Каматиру: «Мои душевныя тревоги не позволяютъ мнѣ принять ваше предложеніе. Я вижу перстъ Божій въ

томъ, что, изгнанный изъ Аѳины, я пользуюсь убѣжищемъ на этомъ островѣ вотъ уже третій годъ. Какъ потомокъ Адама, я обреченъ раздѣлять съ нимъ и судьбу его. Я вѣрю, что справедливо лишенъ Божьяго сада; и поселился здѣсь въ соседствѣ съ Атикой, какъ Адамъ противъ рая, не съ тѣмъ, чтобы имѣть себѣ облегченіе, но чтобы непосредственнымъ созерцаніемъ и воспоминаніемъ сильнѣе растравлять мое горе. Размышляя, что Богомъ опредѣлено мнѣ изгнаніе, я привазила къ здѣшнему мѣсту и почелъ-бы новымъ презрѣніемъ воли Божіей, если бы это мѣсто раскаянія промѣнялъ на болѣе спокойное, которое вы предлагаете.... Простите же меня снисходительно, что я не могу поспѣшить на вашъ зовъ и просите за меня извиненія у императора...»

Этотъ мотивъ, несомнѣнно искренній, съ нѣкоторыми вариациями указывается и въ другихъ письмахъ. Онъ всего ближе подходитъ къ общему складу характера и настроенію М. Акомината.

Вотъ какой рѣзкій упрекъ онъ дѣлаетъ себѣ въ письмѣ къ монаху Лукѣ, который во время бѣдствія, постигшаго Аѳины, утѣшалъ жителей города своимъ словомъ. «Прошу тебя продолжать полезное дѣло, на которое избралъ тебя самъ Богъ, этимъ восполнишь и мои недостатки—я зарылъ въ землю ввѣренный мнѣ отъ Бога талантъ; я наемникъ, а не пастырь, ибо я убѣждалъ въ двери, которыми входятъ волки, и оставилъ своихъ овецъ».

Сношенія съ официальными лицами подъ конецъ почти совсѣмъ прекращаются, лишь изрѣдка М. Акоминатъ ходатайствуетъ за нѣкоторыхъ грековъ, переселявшихся въ никейскую имперію, рекомендуя ихъ то патріарху, то императору. Тѣмъ охотнѣе и оживленнѣе продолжалась переписка съ близкими друзьями и духовными дѣтьми. Хронологическихъ датъ не имѣютъ письма М. Акомината, но встрѣчаются иногда и точныя указанія времени; такимъ образомъ, въ двухъ письмахъ обозначено, что онъ живетъ на островѣ Кеосъ уже двѣнадцать лѣтъ, т. е. указывается на 1216 или 1217 годъ.

М. Акоминатъ не рѣдко останавливается въ своихъ письмахъ на латинскомъ господствѣ въ Греціи. Есть въ одномъ мѣстѣ указаніе, что онъ не могъ выѣхать съ острова Кеосъ, потому что далъ въ этомъ слово латинянамъ, и проживавшіе въ Греціи его родственники служили порукою, что онъ не измѣнитъ даннаго слова. Высокимъ достоинствомъ и полнымъ признаніемъ преимуществъ греческой образованности передъ варварскимъ невѣжествомъ отличаются тѣ мѣста, гдѣ сопоставляются поработители и поработенные. «Какъ могло случиться, что вдругъ заустѣли города, въ которыхъ водились хоры харитъ всякой мудрости и музы, и еемиды? Но намъ не слѣдуетъ ограничиваться лишь сѣтованіемъ, не забудемъ и мудрость, хотя бы тѣ, которые считаютъ себя нашими господами, также чувствовали гармонію словъ, какъ осли звуки музыки... Болѣе же всего будемъ украшать себя добродѣтелью и образованіемъ: тогда мы по сущности и по справедливости будемъ властвовать надъ нашими повелителями, какъ надъ звѣрями. Захвативъ крѣпости и замки, они думаютъ повелѣвать посредствомъ насилія, отнимая имущества и пищу. Но это не надежное и не прочное господство, когда повелители не обладаютъ ни природными, ни приобретенными преимуществами: никто же не скажетъ, что львы, леопарды, или волеи властвуютъ надъ людьми, хотя они когтями и зубами достигаютъ того же, чего и наши повелители. И никогда не удастся имъ вполне господствовать надъ нами, хотя бы они присвоили себѣ всѣ наши стяжанія, хотя бы оставили насъ нагими, или коспулись бы самой плоти нашей!..»

Историческій матеріалъ, представленный сборникомъ рѣчей и писемъ М. Акомината, долженъ вызвать рядъ новыхъ изысканій въ области Византійской исторіи. Само собой разумѣется, въ письмахъ еще не рѣшаются факты, а только упоминаются: этими указаніями можно однако пользоваться при чтеніи другихъ источниковъ. Правда, и М. Акоминатъ носитъ на своихъ произведеніяхъ печать времени, т. е. и у него не мало риторическихъ мѣстъ, затемняющихъ историческій фактъ:

но въ сравненіи съ другими ораторами онъ безпорно болѣе реальный и менѣе напыщенный. Слѣдуетъ наприимѣръ прочесть нѣсколько писемъ Никифора Влениды, чтобы по достоинству оцѣнить содержаніе писемъ М. Акомината. Первый безцвѣтенъ, малосодержателенъ, не затрогиваетъ почти никакихъ вопросовъ; переписка втораго въ высшей степени сердечна; вмѣстѣ съ простотою, какая свойственна дружеской перепискѣ, М. Акоминатъ соединяетъ всегда важность содержанія. Приведемъ еще содержаніе одного изъ превосходнѣйшихъ писемъ, адресованнаго къ Дмитрію Дрими:

«Я не хотѣлъ было и теперь писать къ тебѣ, если бы меня не побудилъ къ тому мой братъ. Если захочешь узнать причину, вотъ она: ты былъ однажды въ нашей отдаленной странѣ, гдѣ царствуетъ зависть и гнѣвъ и всякія страсти, и далъ намъ вкусить отъ добрыхъ законовъ и справедливости. Побывъ немого времени, ты удалился. Императоръ поручилъ тебѣ еще разъ исправить Элладу законами и судебными учрежденіями, ты же не соблаговолилъ пожаловать къ намъ во второй разъ, пожалѣвъ для насъ, жаждущихъ справедливости и законнаго суда, роскошнаго пира твоей ѳемиды. Я никакъ не могу простить тебѣ этой несправедливости, какъ не извиню хорошаго кормчаго, не захотѣвшаго взять руль во время бури. Поэтому я и удерживался отъ переписки съ тобой. Но затѣмъ я знаю, какъ трудно съ тобой спорить, и что ты не задумаешься привести тысячу оправданій. Пріятнѣе и выгоднѣе жить подъ безоблачнымъ небомъ Константинополя въ сообществѣ доброй жены и милыхъ дѣтей. Принявъ на себя во второй разъ управленіе Элладой, ты не только долженъ былъ бы лишиться себя этихъ благъ, но и подвергнуться другимъ безчисленнымъ неудобствамъ: разумно дальнюю и утомительную дорогу, назойливость безпокойныхъ мущей, которые ссылаются на свою автономію чуть не съ деревянныхъ столбовъ Солона и объявляютъ притязаніе на всевозможныя изытія, и которые издаютъ свои законоположенія, подрывающія силу судейскихъ опредѣленій, такъ что изъ поло-

женія является отрицаніе, какъ говорятъ философы. Какъ ораторъ, я пожалуй не нашелъ бы ничего сказать на это, но какъ епископъ ниѣю возразить многое. Каждому нужно сдѣлать свое дѣло, всякій долженъ приращать ввѣренный ему отъ Бога талантъ. Чѣмъ можешь ты оправдаться, что свой даръ судіи не порадылъ умножить такъ, чтобы украсить законами и правдой Фессалию, Элладу и Пелопоннись? Блаженны тѣ мужи, которые хотя и жили въ превратной вѣрѣ, но ревностно состязались въ прекрасныхъ и доблестныхъ дѣлахъ. Они смѣло пускались моремъ въ дальнія страны и предпринимали продолжительныя путешествія, чтобы имѣть случай провести строй въ жизнь человѣческую. Одинъ ввелъ подать на островахъ и прозывался справедливымъ, другой устроилъ города законами, а иной отправлялся въ Сицилію и неоднократно держалъ путь черезъ Харивду, чтобы ослабить грубую тиранію своимъ философскимъ ученіемъ... А вы, изнѣженные граждане Константинополя, не хотите выйти изъ-за стѣнъ и воротъ, лѣнитесь взглянуть въ сосѣдніе и ближайшіе города, чтобы дать имъ воспользоваться черезъ васъ добрымъ устройствомъ. Высылая же одного за другимъ сборщиковъ податей, которые, какъ зубы звѣрей, пожираютъ послѣдніе остатки, сами проводите спокойную жизнь въ своихъ помѣстьяхъ... а города опустошаетъ порча и лзва вымогателей податей. Какое вамъ дѣло до Македоніи, Фракіи и Фессалии? Для васъ воздѣлываются пшеничныя поля. Не для васъ ли готовится евбейское и птелеатское, хіосское и родосское вино? Не вамъ ли ткуютъ тунники еиванскіе и коринескіе пальцы, не сливаются ли всѣ рѣки золота въ царственный городъ, какъ въ море? Зачѣмъ же вамъ ходить на чужбину и мѣнять привычную жизнь на другую, неизвѣстную, когда, не подвергшись ни дождю, ни солнцу и спокойно сидя дома, вы наслаждаетесь всевозможными благами? Или думаете безбѣдно и до конца проводить счастливую жизнь, когда страдаютъ подчиненные столицѣ города: извнѣ отъ морскихъ разбойниковъ, внутри отъ разнообразной неправды? Но я выступилъ изъ обычныхъ границъ пись-

на, ибо отъ сильнаго желанія побесѣдовать съ тобою растянулъ его сверхъ мѣры. Или лучше, забывъ, что веду заочную бесѣду, пустился въ болтовню, умѣстную при личномъ разговорѣ. О, еслибъ удалось и въ самомъ дѣлѣ свидѣться намъ и насладиться пріятною бесѣдой!»

Въ русской литературѣ не разъ поднимался былъ вопросъ о сочиненіяхъ Михаила Акомината. Такъ еще въ 1854 году академикъ Кунигъ, въ первый разъ знакомя съ Тафелемъ, говорилъ и о важности сочиненій нашего писателя (Ученныя Записки Имп. Академіи Наукъ по 1 и III отдѣл. т. II С.-Пб. 1854); въ 1873 г. помѣщена была въ Православномъ Обзорѣніи (№ II) біографія и переводъ единственнаго въ своемъ родѣ и образцоваго произведенія М. Акомината, его доклада царю Алексѣю III о бѣдствіяхъ аѳинской епархіи. Въ послѣднее время были помѣщены въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія (часть 201) двѣ статьи съ извлеченіями изъ неизданныхъ сочиненій М. Акомината, принадлежащія автору этого отчета, который по тѣмъ же побужденіямъ, что и г. Лампросъ находилъ настоятельною потребностью опубликованіе хотя болѣе важныхъ трудовъ Акомината. Независимо отъ указанныхъ статей, часть переписки вошла въ мое же сочиненіе: «Образованіе втораго Болгарскаго царства», Приложение VII (Одесса 1879). Наконецъ, въ истекшемъ году извѣстный нашъ историкъ В. Г. Васильевскій въ другой разъ обратилъ вниманіе на упомянутый выше докладъ М. Акомината и помѣстилъ его въ прекрасномъ переводѣ на русскій языкъ въ Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія (часть 210, стр. 399 и слѣд.). Въ особенности докладной запискѣ Акомината у насъ посчастливилось быть переведенной два раза, какъ ни съ чѣмъ несравненному документу, бросающему свѣтъ на внутреннее устройство Византіи. Но такъ какъ съ этой запиской, «изъ которой доносится до насъ въ греческихъ звукахъ безнадежная жалоба на глубокій упадокъ Аѳинъ», могутъ быть поставлены рядомъ многія письма, теперь уже ставшія достояніемъ людей науки, то мы смѣемъ питать надежду, что теперь шире чѣмъ прежде и

именно у нас же будут поставлены и разъяснены вопросы о строе загадочной Византии. Эти надежды уже частью осуществились в превосходных трудах В. Г. Васильевского (Материалы для внутренней истории византийского государства, — четыре обширные статьи в Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія), за которыми остается почетное право извлечь из переписки М. Акомината богатый материал для освѣщенія внутренней истории этого периода.

Есть еще одна сторона в мелких сочинениях этого писателя, которая вполне должна быть усвоена русской исторической наукой. При незначительномъ количествѣ греческихъ текстовъ того времени, в которыхъ бы или говорилось о сношеніяхъ Руси съ Византией, или просто упоминалось о Россіи, нѣсколько мѣстъ М. Акомината, имѣющихъ отношеніе къ нашему отечеству, — представляются в высшей степени цѣнны.

1) В рѣчи къ шурина императора и логовету Василію Каматиру (Дампросъ, т. 1 стр. 312 и т. 11 стр. 519 и слѣд.), сказанной около 1200 г., Михаилъ Акоминатъ долженъ былъ воснудиться предшествующей жизни этого вельможи. Оказывается, что при Андроніѣ Комнинѣ Василій Каматиръ былъ сосланъ в южную Россію. Относящееся сюда мѣсто читается такъ (т. 1 р. 321): «Нѣтъ, тиранъ не избавился отъ страха передъ тобою и чуть не умеръ отъ боязни, чтобъ одинъ твой умный ударъ не разрушилъ разнообразія его возней, и чтобъ ему не потерять тираннію, прежде чѣмъ овладѣлъ онъ и не поплатиться позоромъ за незаконное покушеніе на перфиру. И такъ, страшный этотъ человѣкъ рѣшился сослать тебѣ на поселеніе (удалить за границу). Для чего назначитъ те тотъ или другой островъ, не отдаленная какая либо — страна, и негостепріимная Тавроскія и область, ближайшая къ океаническому острову Оулъ съ разлитымъ тамъ киммерійскимъ мракомъ. Ибо, какъ по законамъ природы, противоположные элементы любятъ отдаляться одинъ отъ другаго, такъ и онъ отослалъ своего противника въ возможно дальнюю страну, дабы ты не видѣлъ и не слышалъ о его дерзкихъ и преступ-

нихъ дѣяніяхъ. Но то, чѣмъ онъ думалъ поразить тебя какъ наказаніемъ, послужило тебѣ наоборотъ въ удовольствіе. Ибо пріятіе проводилъ ты время въ скинской пустынѣ, чѣмъ въ отечествѣ, страдавшемъ подъ суровой тиранніей. Какъ, пріятія напѣвы твоей мудрой рѣчи, на мѣсто автономнаго звѣрства Ипербореевъ поселялъ ты тамъ добрый порядокъ? Какъ варварскій слухъ постепенно смягчался подъ мѣрными ударами твоихъ рѣчей? Или какъ многихъ амаксовіевъ ты въ болѣзняхъ родилъ во Христа своимъ благочестивымъ ученіемъ и, напоивъ апостольскимъ молокомъ Павла, отведъ отъ конедоенія и млекоденія. Такъ-то, благородный, ты великодушно переносилъ изгнаніе. Когда же миновала непогода тиранніи и занялась чистая заря законной политіи, кого другого, какъ не тебя, прежде всего вспомнилъ и возжелалъ императорскій дворъ, или кому первому ускорилъ возвращеніе посылкой корабля, быстро какъ крыло или мысль? Ибо не находили болѣе никого способнаго возстановить имперію и прекратить смуту и придать прежній строй и видъ тому, что было испорчено тиранніей».

Черноморскіе берега были мѣстомъ ссылки и изгнанія не одного В. Каматира, при Андроникѣ, напр., сюда сосланы были и другія лица, равно какъ и самъ Андроникъ жилъ нѣкоторое время при дворѣ галицкаго князя Ярославъ Владиміровича (1164 г.).

2) Въ письмѣ къ Ѳеодору Ласкарису Никейскому (т. II стр. 353) престарѣлый митрополитъ аѳонскій проситъ прислать *заячьи мѣлосы*, которыми Россія торгуетъ съ Константинополемъ. Указаніе на торговныя сношенія Россіи съ Византіей есть и въ другихъ мѣстахъ. Такъ разъ онъ благодаритъ Дмитрія Макреволита за присылку соленой рыбы, которая водится въ Пропонтидѣ и въ рѣкахъ, и за воскъ. Извѣстно, что рыба и икра, воскъ и медъ издавна были торговой статьёй между Русью и греками. По характеру сходно съ указаннымъ одно мѣсто Евстаея, современника Михаила, гдѣ говорится о рыбѣ и икрѣ, которая добывается въ сѣверныхъ мѣстахъ, въ рѣкахъ, впадающихъ въ Черное море (Tafel, Eustathii Opuscula, p. 230).

3) О Тавроскией и о Россіи упоминается еще въ двухъ письмахъ: къ Константину Пигониту, (Лампросъ II, стр. 5) который былъ сборщикомъ податей въ пограничной съ Россіей области, и въ письмѣ Георгія Торника къ Михаилу Акоминату (т. II, стр. 425).

Сочиненія М. Акомината распадаются на четыре отдѣла: 1) поучительныя бесѣды, 2) привѣтственныя или похвальныя и надгробныя слова, 3) письма и 4) поэтическія произведенія. Значеніе перваго отдѣла въ историческомъ отношеніи не особенно важно. Если и считать нѣсколько преувеличенныя мнѣніе надателя, что другія мелкія произведенія Михаила знакомятъ съ исторіей Комниновъ и Ангеловъ гораздо лучше и вѣрнѣе, чѣмъ официальные исторіографы того времени (Киннамъ, Н. Акоминатъ), все же нельзя не признать за ними рѣдкое богатство историческаго матеріала: М. Акоминатъ не имѣетъ себѣ соперника въ Византійской эпистолографіи.

Предпріятіе, предстоявшее осуществить г. Лампросу, было очель не легкое. Не говоря уже о томъ, что сочиненія М. Акомината разсѣяны по разнымъ рукописямъ и находятся въ разныхъ бібліотекахъ Европейскихъ городовъ, что требовало неоднократныхъ путешествій и утомительныхъ работъ и приспособленій къ замысловатымъ особенностямъ писца, нужно было поставить и разрѣшить вопросъ хронологическій, пріурочить къ опредѣленнымъ датамъ мелкія сочиненія писателя. Послушаемъ самого г. Лампроса, какъ удалось ему разрѣшить хронологическія затрудненія. Я пришелъ, говоритъ онъ, къ убѣжденію, что слова и письма Михаила были записаны въ Лавренціанскій кодексъ, важнѣйшій между всѣми содержащими произведенія Акомината, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, отъ котораго въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ сдѣланы отступленія. На этомъ основаніи я и утвердилъ хронологію событій и фактовъ. Причины же, заставившія меня признать въ Лавренціанскомъ кодексѣ хронологическій порядокъ, слѣдующія: «При первомъ знакомствѣ, рассматривая порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ въ этомъ кодексѣ произведенія М. Акоми-

вата, я обратилъ вниманіе на то, что сочиненія распредѣляются не по роду ихъ, но по нѣкоторымъ отдѣламъ. Какая причина такого распредѣленія матеріи, если бы не существовало къ этому какого—либо внутренняго побужденія? Почему всегда отдѣляются слова отъ писемъ? Какая причина поперебѣнаго слѣдованія извѣстнаго отдѣла писемъ? Ужели всякій разъ писаны были заразъ многія письма и были отправляемы къ однимъ и тѣмъ же лицамъ для одной и той же цѣли? Но это бываетъ рѣдко и какъ исключеніе, обыкновенно же слѣдуютъ другъ за другомъ письма къ разнымъ лицамъ, трактующія о совершенно различныхъ предметахъ. Какой-же однако мотивъ распредѣленія писемъ, если нѣтъ между ними связующаго внутренняго отношенія?»—Разсмотрѣніе послѣдовательности сочиненій, вписанныхъ на первыхъ листахъ кодекса, приводитъ его къ несомнѣнному убѣжденію, что первыя произведенія записаны въ кодексѣ въ порядкѣ ихъ составленія. Откуда получается выводъ, что первыя семь писемъ, находящіяся въ началѣ Лавренціанскаго кодекса отдѣльно отъ другихъ, написаны въ Константинополѣ до 1182 г. Далѣе, первыя слова, произнесенныя въ Аѳинахъ и записанныя въ кодексѣ раньше 8 письма—слѣдуютъ также въ хронологическомъ порядкѣ. Относительно церковныхъ поученій, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ распредѣленія убѣждаетъ порядокъ праздничныхъ дней, въ которые они были произнесены, относительно же другихъ—доказательства заимствуются изъ историческихъ соображеній. Но тотъ же самый порядокъ соблюденъ не только на первыхъ листахъ кодекса.

«Анализъ другихъ словъ, которыя относятся къ фактамъ хронологически установленнымъ, и писемъ—въ особенности адресованныхъ къ вельможамъ и должностнымъ лицамъ, — убѣждаетъ насъ вполне, что и въ нихъ тщательно соблюденъ хронологическій порядокъ (Введ. 48). Можемъ даже высказать съ убѣдительностію, что и тѣ слова и письма, которыя касаются неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ фактовъ и лицъ, и онѣ равно вписаны въ кодексъ въ хронологическомъ порядкѣ».

Мы не можем здѣсь входить въ пренія съ издателями на счетъ правильности хронологическаго порядка, устанавливаемаго ими для произведеній М. Акомината, хотя бы и научный и личный интересъ (противъ автора этого отчета г. Лампросъ не рѣдко оппонируетъ въ примѣчаніяхъ) побуждалъ насъ не соглашаться съ нѣкоторыми доводами почтеннаго издателя.

Слѣдуетъ отдать г. Лампросу справедливость. Онъ оказалъ весьма цѣнную услугу хронологіи, не уклонившись отъ весьма трудной задачи—оправданія хронологическаго порядка Лавренціанскаго кодекса. Точно также должно быть отиѣчено какъ свидѣтельство глубокой любви къ писателю и искренняго отношенія къ дѣлу то обстоятельство, что издатель указалъ какихъ писемъ Акомината не сохранилось во всѣхъ кодексахъ. Въ особенности онъ сожалѣетъ объ уtratѣ письма къ великому эконому о бѣдственномъ положеніи Эгины (II т. стр. 577), къ патріарху В. Каматиру о церковныхъ дѣлахъ аеннской митрополіи (т. II стр. 563), которое дополнило бы незамѣнный докладъ императору Алексѣю III.

Что касается до самыхъ кодексовъ, на основаніи которыхъ сдѣлано изданіе, ихъ нѣсколько. Первый во Флоренціи, въ библіотекѣ Лавренція Медичи, второй въ Оксфордѣ, въ Бодлеевой библіотекѣ, третій въ Мадридѣ,—это главнѣе, заключающіе въ себѣ, за небольшими исключеніями, все, сохранившееся отъ М. Акомината. Затѣмъ слѣдуютъ еще два оксфордскихъ, одинъ вѣнскій, одинъ ватиканскій и четыре нирнбургскихъ, въ которыхъ сохранились нѣкоторыя произведенія. Со всѣми этими рукописями г. Лампросъ тщательно ознакомился, сравнилъ тексты, исправилъ дурныя чтенія по лучшимъ спискамъ. Только одинъ мадридскій кодексъ остался ему неизвѣстнымъ. Но благодаря любезности библіотекаря, изъ этого списка онъ получилъ копію письма къ М. Акоминату Григорія Антиоха. Это уже особенное украшеніе изданія, что въ концѣ присоединены письма къ М. Акоминату (стр. 399—429) и приложены фотографическіе снимки съ рукописей.

Намъ желательно было обратить вниманіе интересующихъ

ся историческими занятіями на изданіе сочиненій М. Акомината. Для византійской исторіи—это весьма пріятная находка. Издатель представляет ее публикѣ въ очищенномъ видѣ и хорошо знаетъ ей цѣну. Но мы увѣрены, что можно потрудиться еще много и съ пользой надъ мелкими сочиненіями М. Акомината, чтобы извлечь изъ нихъ все богатство содержанія. Личный характеръ самого писателя въ высшей степени привлекателенъ, и мы вполне раздѣляемъ симпатіи г. Лампроса къ изданному имъ греческому автору.

Закончимъ нашъ отчетъ извѣстіями о новыхъ находкахъ и предпріятіяхъ г. Лампроса все въ той же учено-издательской области. Въ началѣ мы говорили, что лѣтомъ нынѣшняго года онъ командированъ былъ на Аѳонъ для обозрѣнія тамошнихъ рукописныхъ сокровищъ, при чемъ въ помощь ему даны были трое студентовъ. По возвращеніи изъ командировки онъ сдѣлалъ отчетъ о своихъ занятіяхъ на Аѳонѣ, которыхъ мы и пользуемся для нижеслѣдующихъ строкъ (отдѣльная брошюра въ 22 стр. 8°). *) Не будемъ останавливаться на описаніи плачевнаго положенія, въ которомъ находятся пергамены, книги и рукописи въ большинствѣ аѳонскихъ монастырей; это засвидѣтельствовано всѣми, бывшими на Аѳонѣ, въ томъ числѣ и русскими учеными. Г. Лампросъ описываетъ тоже расхищеніе и вѣчно продолжающуюся растрату рукописей живыми красками, несмотря на официальный характеръ своей миссіи; онъ не желаетъ только, *во избѣжаніе скандала*, называть обитатели по именамъ. «Смѣло могу сказать, что самые страшные враги книгъ—это сами монахи. Они не имѣютъ ясной идеи о томъ, что составляетъ ихъ собственное и что монастырское достояніе. Рукописи рвутъ по листамъ, бросаютъ на полъ, или держатъ ихъ въ подвалахъ, гдѣ они глѣбуютъ и уничтожаются отъ сырости». Г. Лампросъ воспринялъ и частію привелъ въ исполненіе счастливую мысль—описать то, что есть въ аѳонскихъ

*) Объ этомъ отчетѣ помѣщена статья Г. С. Дестуниса «О каталогѣ греческихъ аѳонскихъ рукописей» въ февральской кн. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія за 1881 г.

книгохранилищахъ. Эту «Ираклову работу очищенія Авгіевыхъ конюшенъ» онъ предполагаетъ въ скоромъ времени издать въ свѣтъ. За исключеніемъ двухъ монастырей, Лавры и Ватопеда, гдѣ г. Лампросъ не успѣлъ заняться разборомъ библиотекъ, въ остальныхъ 20 монастыряхъ онъ сдѣлалъ болѣе или менѣе подробное описаніе 5766 кодексовъ. Въ отчетѣ о своей командировкѣ г. Лампросъ имѣлъ основаніе сказать: «Я прому благосклоннаго вниманія къ непреодолимымъ затрудненіямъ и сочувствія къ цѣлодневнымъ и ночнымъ усиліямъ, сопряженнымъ со всевозможными лишеніями и трудностями, четырехъ человекъ, трудившихся надъ дѣломъ, которое не было исполнено въ теченіе цѣлаго періода вѣковъ, даже при содѣйствіи правительствъ иностранныхъ. На судъ друзей науки я повергаю мой каталогъ, состоящій изъ 5766 аеонскихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ до 2500 стр. 4^о». Между рукописями, указываемыми имъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія, кромя нѣсколькихъ палимпсестовъ—церковнаго и литературнаго содержанія, по преимуществу относящихся до средневѣковой исторіи и языка.

1. Народныя пѣсни съ напѣвами и потными знаками.

2. Ритора Мануила повѣствованіе о чудотворной иконѣ Богоматери (ἐν Ἀστυαρῶ) и чудесахъ, отъ нея бывшихъ. — Выясняются отношенія Византіи на востокѣ.

3. Житіе чудотворца Никона Метаноита.

4. Арсенія, архіепископа Керкиры (Корфу), похвала мученику Фирину.—Важно для исторіи Керкиры и Эпира.

5. Марка монаха сѣрскаго вслѣдованіе о вулканахъ.

6. Письмо Фотія (одно).

7. Небольшія повѣствованія, относящіяся до завоеванія Константинополя.